

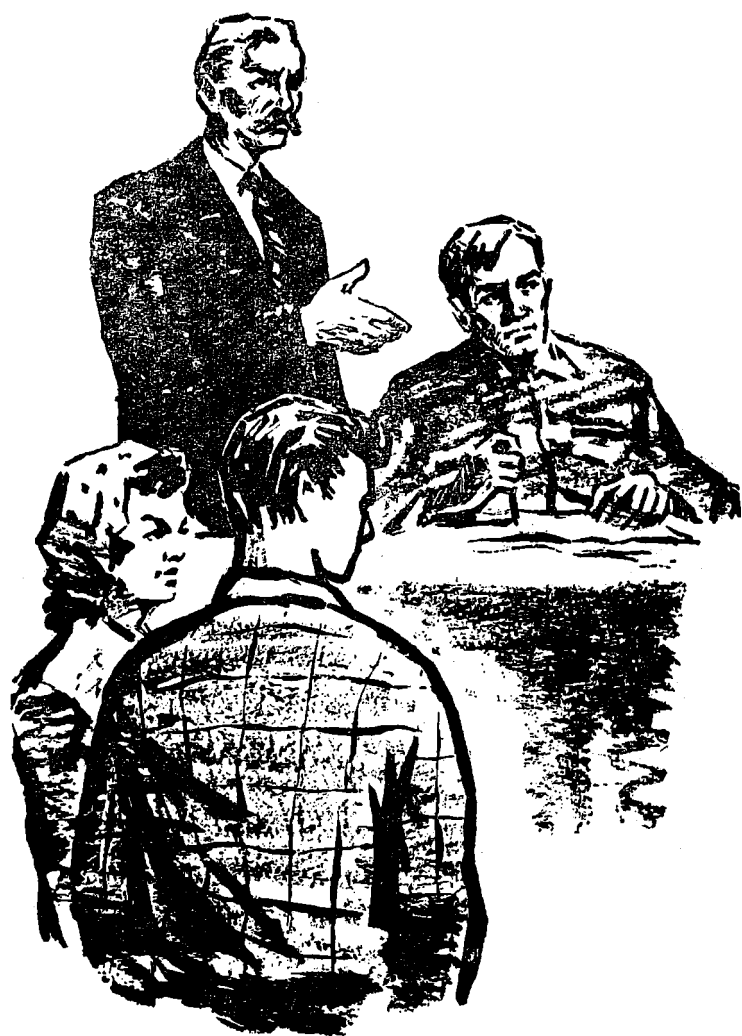
ИЗ ЗАЛА СУДА

ГЕНРИХ РУБЕЖОВ

ЧЕЛОВЕК СПОТКНУЛСЯ

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЮРИДИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ**

ГЕНРИХ РВБЕЖОВ

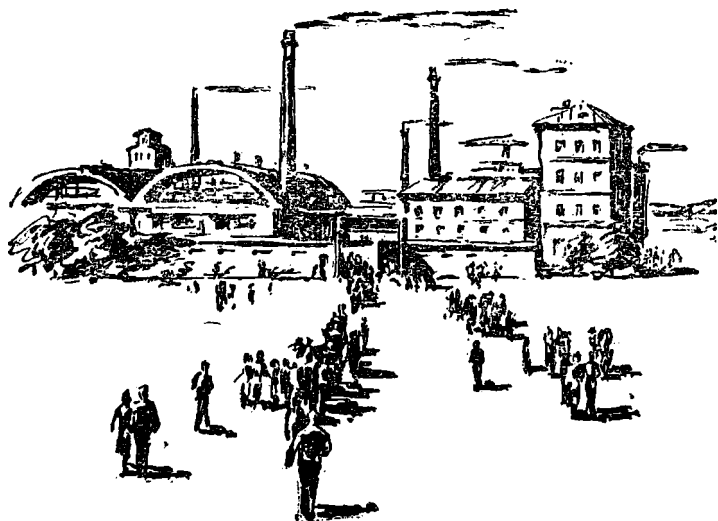
ЧЕЛОВЕК СПОТКНУЛСЯ

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

Москва — 1962

$$\frac{34C6 + 30}{P8C}$$

ВТОРОЙ день в суде слушается дело бывшего агента по снабжению Александра Певзнера. На протяжении трех лет он, используя подложные документы, систематически расхищал государственные средства. И вот нить преступлений оборвана. Подводится итог преступной деятельности матерого жулика. Слово предоставляется общественному обвинителю. Десятки глаз обращаются в его сторону. Он обвиняет от имени людей, присутствующих в зале, от их имени и по их поручению.

Со страхом смотрит на него подсудимый. Он еще больше согнулся, глаза забежали.

— Товарищи судьи! Меня прислала сюда общественность района, чтобы решительно заявить: Александр Певзнер заслуживает самого сурового наказания...

— Правильно! — слышится в зале суда.

Подсудимый втянул голову в ворот пиджака.

— Кто он, этот человек, запустивший свою грязную лапу в карман государства? Кто этот тунеядец, этот любитель легкой наживы? Его имя неоднократно упоминалось сегодня. Сам же он забыл свое имя. Он привык

к кличке и величает себя «Соливоном». Этот преступник — стилига, с обычным для стилиг образом жизни и мыслей. Должность агента по снабжению он использовал для того, чтобы воровать. А воровал ради пьянок, разврата и «заграничного лоска».

Мало того, он сбивал с правильного пути слабовольных молодых людей и приобщал их к так называемой «легкой жизни». Для растленного Соливона не существовало ни морали, ни общественного мнения. Каждого честного и убежденного человека он презирал. Свою внутреннюю гниль этот проходимец изливал в ничтожных циничных виршах. Вот послушайте:

Влачу я жизнь среди плебеев,
Я по другому миру млею...

— Мерзавец! — донеслось из зала.

— Вот он, этот отщепенец! Вот его духовная сущность! Он отвергал коллектив, с презреньем относился к нему и в то же время жил паразитом за счет коллектива. Нет ему места среди нас!

Процесс, товарищи судьи, завершается. Скоро вы удалитесь для вынесения справедливого приговора. Пусть же он не только покарает преступника, но и явится суровым предостережением для всех тех, кому свойственно раболопное подражание неприглядным нравам «золотой молодежи» Запада. Пусть ваш приговор будет приговором не только проходимцу Соливону, но и его приятелям: всяким фроликам, мишо, лили, марго...

Народный заседатель Иван Кузьмич Смирнов заметил в зале фигуру, трусливо прижавшуюся к стене. Когда Иван Кузьмич присмотрелся, фигура показалась ему знакомой. Сомнений не было, этого человека он раньше видел. Но где, когда?..

И вдруг Смирнов вспомнил. Да! Это Роман Беспалов. Иван Кузьмич встречался с ним два года назад...

* * *

Рассветало. Восход щедро разливал по небу свои яркие краски. Карминовая полоса резко очерчивала горизонт. На ее фоне все яснее и яснее вырисовывался строй заводских труб. Темные тона неба постепенно растворялись в желтизне, поднимавшейся из-за горизонта.

Уже застучали двери проходной. Стук повторялся чаще и чаще и, наконец, прекратился. Двери, словно эстафета, стали переходить из рук в руки. Людской поток вливался в проходную завода и растекался по цехам.

— Привет, Валюша...

— Валентине Ивановне — низкий поклон...

— Доброе утро, Валечка...

Светловолосая девушка со слегка вздернутым носом и большими серыми глазами весело откликается на приветствия. Вот уже два года Валя работает табельщицей на заводе. Ей нравится здесь, она полюбила хороший, задорный рабочий коллектив.

— Здравствуй, Валечка! В перерыв зайду, о плане работы надо посоветоваться.

Это Виктор Шатров, комсорг инструментального цеха.

— Заходи, — отвечает Валя и смотрит на часы.

Без десяти семь. Сейчас войдет Андрей. Он всегда приходит в шесть часов пятьдесят минут. Андрей удивительно точен, и она это знает.

Но что такое? Неужели часы спешат? Валя берет телефонную трубку.

— Здравствуй, Костя... Добрый день, Катя... — рассеянно отвечает она на приветствия и напряженно вслушивается.

— Шесть часов пятьдесят пять минут, — доносится из трубки.

Распахивается дверь и влетает Ростовцев — один из лучших заводских спортсменов.

— Фу, черт, чуть не опоздал! Сегодня соревнования, а я форму дома забыл, — произносит он, запыхавшись. — Привет, часовой. Кажется на этот раз я не доставил тебе хлопот?

Неумолимо движется минутная стрелка. Почему нет Андрея?.. Пронзительный заводской гудок заставляет Валию вздрогнуть. Со стороны цехов нарастает шум машин. Она смотрит на щит. Три номера одинокими светлыми пятнами поблескивают на черном фоне.

Номер пятнадцать — это Кондрашина. Он болен. Тридцать четыре и восемьдесят пять — номера Андрея и Ромки. Странно, что отсутствуют они оба.

Роман Беспалов лишь месяц работает на заводе. Валя знает его очень мало. Но сразу, в первый же день,

он ей не понравился. Беспалов вошел тогда в проходную вихляющейся походкой и, выпячивая нижнюю губу, развязно обратился к ней:

— Слушай, крошка, не можешь ли ты мне популярно объяснить, что я должен сделать, чтобы засвидетельствовать свой визит в эту мастерскую?

— Вы что, в гости пришли или на работу? — отпаривала она.

С тех пор Беспалов вел себя сдержанно, но впечатление от первой встречи определило неприязненное отношение Вали к Ромке. Как-то она сказала об этом Андрею.

— Что ты, Валечка, — удивился он. — По-моему, ты ошибаешься, Ромка — умный парень. Оригинал, но толковый человек.

Потом Валя заметила, что Андрей и Ромка сблизились, что-то общее возникло между ними. Что именно, она не понимала. Ей почему-то это не нравилось; но поговорить с Андреем она не решалась. «В самом деле, — думала она, — что я отвечу ему, когда он скажет: «Ромка хороший, толковый парень...».

А может быть, это случайность, что они отсутствуют оба? Но на душе у Вали тревожно.

Уже двадцать минут восьмого, а она все еще в проходной. Валя уверена: опоздать без уважительной причины Андрей не мог. Может быть, заболел? Но с чего бы? Вчера он чувствовал себя нормально. Она помнит, как, получив зарплату, он подошел к ней такой веселый, жизнерадостный:

— Ну, Валюша, — сказал он, — с меня причитается, выбор твой...

— Ловлю на слове! Два билета в театр, на субботу!

— Если идем вместе, возражений не будет, — пошутил он.

Дверь проходной отворилась и на пороге выросла долговязая фигура Ромки. Увидев Валу, он опустил глаза и остановился. Валя смотрит на Ромку. Она чувствует что-то недоброе.

— Что случилось?

Ромка молчит.

— Где Андрей?

Молчание.

— В чем же, наконец, дело?

— Его забрали... — произносит Ромка сдавленным голосом.

Валя пошатнулась. Рука судорожно хватается спинку стула.

— Не может быть... За что? — едва выдохнула она. Ромка молчит.

* * *

Для Сергея Болотова известие о задержании Андрея было полной неожиданностью.

Вот уже третий год Сергея избирают секретарем комитета комсомола завода. Ему казалось, что за этот период он успел узнать ребят, научился понимать их. О каждом из них у него имелось определенное и, как ему казалось, правильное мнение.

Так он думал до сегодняшнего дня, до той самой минуты, когда в комитет прибежала Валя.

— Морозов задержан милицией! — она беспомощно опустилась на стул.

— Откуда ты знаешь?

— Беспалов сказал.

— Новенький?

— Да.

— А он как узнал?

— Молчит.

— Где он сейчас?

— В кадры послала...

Сергей быстро набрал номер отдела кадров.

— Екатерина Петровна, это Болотов. Беспалов у вас?.. Когда освободится, пусть сразу зайдет ко мне.

Сергей положил трубку.

— Комсомольцам цеха известно?

— Да, я сказала Виктору.

— Попроси его зайти после работы. И сама приходи, посоветуемся.

— Хорошо.

Валя вышла.

Сергей хотел было позвонить Константину Константиновичу — парторгу завода, но потом решил вначале поговорить с Беспаловым. «Да вот хотя бы Беспалов... Больше месяца работает на заводе, а я с ним еще ни

разу не разговаривал. Что за человек?» — подумал Сергей и попытался представить себе Беспалова, но понял, что даже не знает его в лицо.

Болотов взял папиросу, покрутил ее в руках и положил на стол. Задумался. Весть о задержании Андрея очень встревожила его. Ведь совсем недавно, месяца полтора назад, Андрей выступал на диспуте: «Каким должен быть советский молодой человек». Он говорил тогда:

— Знаете, ребята, о чем я думаю? Вот смотрел я фильм «Летят журавли». До чего ж сильная картина! И решил, что герой наших дней — это человек, умеющий свято любить, беспредельно ценить жизнь, но если нужно — ненавидеть и жертвовать жизнью за наше правое дело...

Здесь Андрей запнулся и сел. Сергей понимал, почему он так внезапно закончил выступление. Андрей вспомнил отца, отдавшего жизнь на фронте, и мать, умершую в Ленинграде во время блокады. Его тогда эвакуировали с другими осиротевшими детьми, помогли стать на ноги... Андрей прекрасный работник, чуткий товарищ. И вдруг он — преступник!

Сергей снова взял папиросу, прикурил и глубоко затянулся. Легкий клуб серо-голубого дыма поплыл вверх.

— Здравствуйте, вы, кажется, просили меня зайти.

Болотов обернулся. Перед ним стоял высокий, слегка сутулый юноша лет двадцати двух в куртке с «молниями».

— Добрый день. Беспалов?

— Он самый.

— Проходи, садись... Давно в комсомоле?

— Со школьной скамьи. Лет пять значит.

— К нам на учет встал?

— Нет еще, не успел.

— Надо поторопиться... Ты ведь в инструментальном?

— Да.

— Ну и как успехи?

— Как будто ничего. Учусь, средства производства осваиваю.

— Что там вчера с Морозовым произошло?

Ромка хотя и ожидал этого вопроса, но все же заговорил неуверенно.

— Да я и сам толком не знаю... Выпили мы вместе. Но кто мог подумать, что приходится иметь дело с распущенным человеком...

Сергей почувствовал фальшь в голосе Ромки, но не стал прерывать его.

— ...Отсутствие элементарных культурных навыков. Морозов не понимает, что вывески должны сиять, витрины — привлекать, а столы — стоять. Когда он выпил, то решил, что все должно быть наоборот. Я не слабонервный человек, но не выдержал такого безобразия и ушел. Что происходило в столовой после этого, не знаю. Видел только, когда прошел несколько десятков метров, что туда направились представители власти.

Сергей пристально смотрел на Ромку, наблюдая за каждым его движением, вслушиваясь в каждое слово. «Лжет или нет?» — спрашивал он себя.

— Я клянусь тот час, ту минуту, — продолжал Ромка, — когда встретил этого человека. Я никогда не прощу себе, что смалодушничал и пошел вместе с ним. Тогда я думал, что с этого начинается романтика, я был далек от мысли, что финал будет столь жестоким, что на этом романтика закончится...

«Неужели говорит это только для того, чтобы избежать ответственности? — думает Сергей. — Что он за человек? Чем живет, дышит? Что из себя представляет? Нужно хорошо во всем разобраться».

* * *

Андрей Морозов очнулся после тяжелого пьяного забытья в камере предварительного заключения. Он лежит на дощатых, пахнущих хлоркой и смолой нарах и недоуменно смотрит в маленькое, закрытое решеткой окно. Сквозь решетку он видит небо. Оно уже начинает покрываться рассветной синевой.

Рука, закинута за голову, онемела. Гудит голова. Какое-то непривычное, тоскливое и гнетущее состояние овладевает Андреем. Постепенно наплывает страх, самый обыкновенный животный страх. Он силится припомнить события минувшего дня. Впрочем, нет. Все, что происходило с утра, он отлично помнит: треск будильника, утренняя зарядка, ощущение ожога под струей холодной воды, легкий завтрак...

За какие-то доли секунды вспоминается самое обыденное, простое, то, что составляет ритм жизни. И вдруг этот привычный ритм внезапно нарушился, оборвался...

Свет зари постепенно заполнил неуютную камеру. Померкла одетая в сетчатый плафон электрическая лампочка под потолком.

Вчера примерно в это же время Андрей шел на завод. Он вспомнил, как улыбнулась Валя, здороваясь с ним. Чудесная девушка!.. С этой мыслью он пустил станок, мерный рокот которого тотчас влился в мощный привычный гул завода...

— Две нормы дал, молодец парень! — слышит он в конце смены голос мастера Матвея Ивановича. — Ну, иди, получай деньжата; заслужил!

«Заслужил!» — эхом отдается в сознании Андрея. Он ежится. Озноб пробегает по всему телу. Чувство страха постепенно сменяется чувством стыда, позора. Оно вкрадывается внутрь и давит на грудь... А как же товарищи, друзья? Как он будет смотреть в глаза Вале, Сергею, Виктору?..

— А Ромка? Ведь я его подвел...

Воображение рисует отчетливую картину...

— Не кажется ли вам, сэр, что есть смысл обмыть зарплату? Великосветские обычаи должны быть соблюдены, — слышит он голос Ромки.

Припоминаются гастроном, пара бутылок в карманах, столовая, маленькая вывеска: «Приносить и распивать спиртные напитки строго воспрещается». Андрей помнит даже бульканье льющейся в стаканы водки. Они глотают ее исподтишка, подозрительно оглядываясь.

— Я приобщу тебя к корпорации прожигателей жизни. Ты познаешь счастье и смысл подлинного существования, — звучит пьянёнький шепот Ромки.

А потом, что было потом? Вновь наплывает страх. Андрей с ужасом смотрит на стены камеры. Что он натворил?

Мозг работает мучительно, но бесплодно. Только в глазах на какое-то мгновение возникают силуэты падающих столов, а в ушах стоит звон разбитого стекла. Становится жутко... Неужели тюрьма?

Он беспомощно опускается на нары и неподвижно глядит вверх. Перед ним маленькое окошко под потолком, переплетенное железными прутьями.

Сергея в комитете не было, его вызвали в партком. Виктор Шатров вернулся в цех.

Обеденный перерыв. Одни ушли в столовую, другие расположились тут же, в цехе. Пьют чай, играют в «козла», звонко постукивая костяшками. Разворачивая сверток с бутербродами, Виктор слышит, как рядом беседуют двое рабочих.

— Года два-три дадут, это уж как пить дать.

— Да ведь парень-то больно хороший. Жалко такого.

— Мало ли таких «хороших». Трезвый, смотришь, парень как парень, а напьется — дрянь, слизняк и все тут.

— Точно, — присоединяется к разговору третий, — я, брат, алкоголиков знаю.

— Что ты мне про алкоголиков! Я тебе о Морозове говорю, какой он пьяница? Что ты его не знаешь? Веселый, проворный, а работяга какой! Жалко, говорю тебе, такого, жалко...

Виктор взял кружку, налил чаю и подошел к фрезеровщице Зине. Та в это время разговаривала с Георгием Никитичем Блиновым, приземистым пожилым рабочим, токарем шестого разряда.

— Слушай, Никитич, а Морозов-то, говорят, с твоим учеником Ромкой вчера напился.

— А я тут причем? — разводит руками Блинов. — Что я Ромку трезвенником быть обучаю? Он станок-то никак освоить не может. Шелопутный какой-то... Стоит, постой, пошарит глазами, а потом улучит момент — и тикать в красный уголок. В какой-то там «бим-бонг» играть...

— Да не «бим-бонг», а пинг-понг, настольный теннис значит.

— А мне один леший, «бим-бонг» или «пинг-понг», — обиженно отвечает Никитич и отходит в сторону.

— Большая тут вина комсомола, — говорит Зина Виктору. — Знает ведь комитет, что ученики у нас как на курорте себя чувствуют: повертятся, повертятся и исчезают. А куда, зачем, только им одним и известно. Спросу-то с них никакого. Вот и получается: кончился у него срок обучения, подпускают к станку, а он стоит, как баран на новые ворота смотрит и сплошной брак дает. Только тогда по-настоящему станок-то и осваивает.

— Да-а, — тянет Виктор, чувствуя, что Зина права, — на многое открыл мне глаза сегодняшний день. Крепко обо всем подумать надо, с людьми посоветоваться. Одно ясно: уж если Андрей такое натворил, неважные у нас дела. Многое проглядели, во многом виноваты...

* * *

Валя сидела у окна и нервно теребила глянцевый лист фикуса.

— Ну, что ж, пожалуй, начнем, — Сергей окинул взглядом членов комитета.

Валя слушает спокойный, размеренный голос Сергея и смотрит в окно. Черная бабочка влетает через открытую форточку, кружится над фикусом. Неожиданно она опускается между рамами, прилипает к стеклу и раскрывает крылья. Их бархатная поверхность отлиывает яркими красками. Несколько секунд бабочка неподвижна. Потом она вдруг отрывается от стекла и начинает метаться в узком пространстве. Валя следит за ней и, как сквозь сон, слышит голос Сергея.

— Совершенно преступление комсомольцем нашего коллектива, и мы не должны быть в стороне, мы в ответе за него...

Вале очень жалко бабочку, она открывает окно, и бабочка вылетает. Валя провожает ее долгим взглядом и перебирает в памяти события последних месяцев, стараясь по отдельным поступкам понять характер Андрея. Желание разобраться во всем, найти верный ключ к разгадке заставляет ее цепляться за каждое воспоминание... Вот цех. Валя проходит мимо Андрея, склонившегося над рокочущим станком. Все в нем дышит энергией и силой. Она пытается поймать его взгляд, но он сосредоточенно смотрит на деталь...

В комитете идет горячий спор.

— Морозов хороший человек, — говорят одни. — Если и набедакурил, то не по злой воле, а так, спьяннА, со всеми случиться может. А производственную программу как выполняет, а товарищ какой!

— Производственная программа — это одно дело, — возражают другие. — Ведь Морозов — комсомолец, и он должен быть порядочным в быту. С пьяницами комсомолу не по пути.

В спор были втянуты все. Говорили уже не только об Андрее, но и о многом другом: об отношении к труду, к товарищам, к семье, и о всех тех качествах, которыми должен обладать человек, чтобы заслуженно пользоваться уважением окружающих. Каждый настаивал, приводил примеры..

Когда Валя вышла на улицу, было уже совсем темно. Она шла не разбирая дороги. Очнувшись, она поняла, что находится на бульваре. Лишь год назад здесь был пустырь. Вспомнились комсомольские воскресники — веселые, живые, полные вдохновения. С лопатами, носилками и ломами дружно работали тут ребята и среди них — Андрей.

Зашемило сердце. Валя вспомнила, как он, обняв только что высаженную липу, говорил:

— Ты будешь украшать жизнь людей, дарить им прохладу и нежный аромат...

Валя села на скамейку. Почему-то пришли в голову стихи Щипачева: «Но разве знают липы, как счастьем дорожить...».

Как же могло случиться, что тот, которому она бесконечно верила, оказался преступником? Неужели любовь ослепляла ее? Но разве она одна верила в него? А Сергей, а Виктор? Неужели Андрей обманывал не только ее, но и коллектив, в котором работал, с которым, казалось, жил одной жизнью, одним дыханием? Можно не верить себе, можно обманываться в своих чувствах, но коллектив не мог не уловить той примеси в человеке, которая делает его никчемным, чужим, опасным...

Тяжелая капля дождя упала на скамейку. За ней другая, третья.

Навязчивый вопрос преследовал Валу неотступно: как же все это могло случиться? Неужели влияние Ромки? Сомнения, охватившие ее, постепенно стали сменяться уверенностью. Но где доказательства?..

Кто-то быстро бежал по бульвару, спеша укрыться. Пожилая женщина раскрыла зонтик, и дождь зашуршал по его шелковому верху.

* * *

— Фиолетовый свет! Что может сравниться с ним! В нем вся радость жизни, источник вдохновения и ду-

шевного равновесия. Мы живем в фиолетовом мраке. Да здравствует фиолетовое настоящее и фиолетовое будущее! — Ромка икнул и опустился на стул. Его поднятая рука с рюмкой дрожала, и водка проливалась на скатерть.

— Это так, — сказал Мишо, солист оркестра при вокзального ресторана. — Выпьем, чуваки! За то, что мы существуем! За то, что мы едим, пьем, дышим! Ведь мы так сильно чувствуем жизнь! Даже не знаем, что с ней делать...

— Потряска! — провизжала сидевшая рядом с ним девушка. — Рокк! Выдайте рокк! Фролик, — обратилась она к Ромке. — Я хочу сплясать с тобой, со славным представителем трудящейся молодежи.

— К черту труд, — Ромка снова встал. — Я пью за жизнь без обязанностей, за свободу личности, за увольнение по собственному желанию. Пролетария из меня не получилось. Я — меценатствующая личность! Мне потребно искусство. Рокк, Лили! Рокк — это тоже искусство. Живи напропалую! Пейте, ребята! Гимн труду — хохот номер один...

Комната наполнилась такими звуками, словно в ней находился табун лошадей. Ромка подхватил партнершу на плечо, но, не выдержав ее тяжести, рухнул.

— Ну вот, мой маленький Фролик, — воскликнула Лили, потирая ушибленный локоть, — что с тобой творится? Право же, физический труд действует на тебя губительно. Тебе нужно устроиться официантом у Мишо, только тогда ты станешь настоящим мужчиной.

— Браво, — воскликнул Мишо. — Необычайно, оригинально!

Ромка повернул к нему свою маленькую голову.

— Слушай, ты, певчая птичка, поменьше эмоций, они могут испортить тебе аппетит.

— Хватит пререкаться, кретины, — прошипел грузный Саша Певзнер, агент по снабжению, известный здесь как поэт под кличкой «Солифон», — ведь вы же романтики.

— Что касается кретинов, — возразил Мишо, — так по сравнению с тобой каждый из них выглядит Аполлоном. А если говорить о романтике, то мы немедленно замрем. Сенсация! Попросим Солифона! Слава таланту! Отметим его великолепное чтиво хохотом номер пять!

— Хе-хе-хе, — пронеслось по комнате.

Соливан ослабил расписанный невероятными узорами галстук, расстегнул ворот рубашки, придвинулся к полногрудой Марго, лифтерше из дома работников искусств, и забасил:

Забиться — вот мечта моя,
Тобою всласть намиловаться
И в незнакомые края,
Слез жгучих горечь не тая,
Уйти под хохот восемнадцать...

Соливан патетически вскинул голову и замер.

— Восхитительно, — пропищала Лили.

— Выдать туш. Хохот номер три! — воскликнул Мишо и на фоне приглушенного «хи-хи-хи» продолжал: — Это подлинное искусство, оно отвечает требованиям века. Абстракция — вот моя духовная сущность. Она светоч во мгле. Выльем за абстракцию, которая является нашим электричеством и освещает нам будущее!

— Заткнись, птичка, — угрюмо бросил Ромка. — Мое будущее — это сегодня. Я каждую минуту встречаю как праздник, — он налил себе водки и выпил. — Завтра у меня гастроль. Я выступаю в замечательном спектакле, играю роль друга. Завтра премьеры. Меня вызывают на допрос. Готовится суд над жертвой романтики. Придется пойти на небольшую передержку. Поставьте напоследок «буги». Да здравствует меломания!

Удары контрабаса, сопровождаемые дикими завываниями трубы, наполнили комнату...

В прихожей раздался резкий звонок. Ромка, пошатываясь, пошел к двери. Все замерли в ожидании.

— Не ждал, Беспалов? — на пороге стояли Валя, Виктор и женщина из соседней квартиры. — Мы сюда комитетом комсомола направлены, с тобой побеседовать, а ты, я вижу...

— Каждый вечер безобразничают, — перебила женщина Валу. — Нет от них покоя! Всякому терпению имеется предел, но где предел наглости? Ежедневно шум, гам, топот, крики, хоть милицию вызывай!

Лицо Ромки покрылось лиловыми пятнами.

— Не верьте ей, — промолвил он, обращаясь к Вале и водя пальцем у пьяного рта. — Мои соседи — грубые животные, им не под силу со-со-существовать с приличными людьми...

— Довольно паясничать! — не выдержала Валя. — Мы видим, что представляет собой ваше сборище! Посмотри на себя, Беспалов, ведь ты утратил человеческий облик.

Ромка вдруг осмелел.

— Тихонько, девочка, тихонько, будь осторожней в выражениях. Не забывай, что ты пришла к воспитанным людям, — он нагло вато ухмыльнулся.

Вале захотелось надавать ему пощечин. Теперь ясно, кто толкнул Андрея на преступление!

— Попрошу вас, мадемуазель, оставить меня в покое. Виктор, до этого молчавший, рассвирепел.

— Послушай, ты, скользкая дрянь, если ты сейчас же не разгонишь это мерзкое сборище, пеняй на себя. А разговор с тобой мы еще продолжим, — он захлопнул дверь.

— Амба, чуваки, — промолвил Ромка, появляясь в комнате. — Как говорил в своей сто двадцать девятой заповеди Козьма Прутков, всегда будь на чеку, а разумные млекопитающие говорят еще: «Главное в профессии вора — это вовремя смыться».

Солиwon неохотно поднялся и пошел к выходу. Марго послушно последовала за ним. Ромка взглянул на Мишо и сказал:

— Предки мои на курорте, так что ты можешь уединиться в их келье... Да здравствует мрак!

Щелкнул выключатель. Комната погрузилась в темноту.

* * *

— Именем Российской Советской Федеративной Социалистической Республики народный суд... — Петр Степанович Платонов неторопливо и четко оглашает решение суда.

Вот уже третий раз он избирается народным судьей. Редко кто не знает в районе этого простого и вместе с тем строгого человека. В его биографии не было ничего необычного: юнцом ушел на фронт, проборождал военные дороги от Сталинграда до Берлина, демобилизовался, окончил юридический институт. Вот, пожалуй, и все. И тем не менее агитаторы в период избирательной кампании говорили о нем с какой-то особой теплотой.

Не было в районе предприятия, где бы не побывал Петр Степанович то с разъяснением законодательства,

то с лекцией, то с докладом. Тщательно проводит он каждый судебный процесс. Подсудимый для него прежде всего человек.

— Для судьи мало установить вину подсудимого, — говорил Платонов. — Нужно кропотливо искать причины совершения преступлений, вскрывать их, пресекать. И, самое главное, надо покопаться в душе подсудимого, повозиться с ним, а затем уж решать, какое наказание следует избрать, чтобы как можно скорее вернуть его в коллектив... Часто так бывает: на одного смотришь и думаешь — нет, мало толку из него выйдет, а поглядишь на другого и веришь, чувствуешь — споткнулся человек.

...Судебное заседание закончилось. Петр Степанович и народные заседатели возвращаются в кабинет.

— Иван Кузьмич, Татьяна Николаевна! Я посмотрю почту, а вы ознакомьтесь, пожалуйста, с поступившим делом, изучите его, а потом назначим день слушания. Думаю, надо будет выехать на завод, рассмотреть дело на выездной сессии.

Иван Кузьмич Смирнов уже два года работает вместе с Платоновым. Гвардеец, раненный под Ленинградом, он вынужден был демобилизоваться из армии еще до окончания войны. Потом инженер-строитель Смирнов волею коллектива стал народным заседателем. Никогда до этого он не задумывался над тем, что означает профессия судьи. И вдруг самому довелось стать судьей.

— До чего же непривычно вначале было, — вспоминает иногда Смирнов. — Сидишь в судейском кресле, слушаешь дело, вопросов много возникает, а задавать их как-то боязно, непонятная робость одолевает. А еще хуже — чувство жалости при вынесении приговора. Знаешь: тяжкое преступление совершил человек, а жалко его! Много времени прошло, пока не научился я отличать подлинный социалистический гуманизм от слезливого всепрощения...

Иван Кузьмич и Татьяна Николаевна, ткачиха текстильного комбината, лист за листом внимательно просмотрели уголовное дело по обвинению Андрея Морозова. Сложности оно не представляло. Однако Иван Кузьмич вдруг задумался. Он еще раз просмотрел дело и, наконец, произнес:

— Ленинградец, без отца и матери... — он на мгновение смолк, как бы собираясь с мыслями, а затем продолжал: — Вы знаете, дело это воскресило в моей памяти трагическую историю одного ленинградского мальчика.

Петр Степанович и Татьяна Николаевна прислушались.

* * *

Было это в 1942 году. Меня ранило. Долго тянулись тоскливые дни в госпитале на Крестовском Острове. Сирены воют, свистят и ухают снаряды. Враг был близко, у самого города, и от этого пребывание в нетопленной палате становилось еще более невыносимым. Но вот рана затянулась, а недели две спустя врач объявил, что меня можно выписывать.

Когда я вышел из госпиталя, был ясный солнечный день. Воздух был полон каким-то своеобразным запахом, позволяющим безошибочно определить: весна пришла.

Стояла необыкновенная тишина. Меня обступали безмолвные, настороженные здания. Оборванные провода уныло тянулись вдоль улиц.

Я вышел на набережную реки Ждановки и пошел вдоль нее к Большому проспекту. Будто зоркие глаза стрелков смотрели на меня из каждого дома амбразуры.

Внимание мое привлекла маленькая, хрупкая фигурка мальчика. Он неловко опустил в прорубь кастрюлю и с большим напряжением вытащил ее из воды. Затем бережно поставил кастрюлю на салазки и полез вверх по обледенелому спуску. Он добрался до парапета, неосторожно шагнул и упал. Салазки покатались вниз. Я подошел к мальчику. Он молча посмотрел на меня большими, упрямыми, полными слез глазами. Я помог ему подняться, набрал воды, и только тогда мы заговорили.

— Далеко идешь?

— До Гатчинской.

— Давай помогу.

Я потянул салазки, и мы медленно двинулись. Миновали проход в баррикаде. Тут я внезапно остановился. Комок подступил к горлу. Я увидел несколько заснеженных трупов, бережно завернутых в простыни. Мальчик тихо произнес:

— Уж давно здесь хоронят. От голода померли, а сил отнести их на кладбище нету.

Солнечный зайчик пробежал по его лицу. Я внимательно посмотрел на него и понял, сколько неосознанных страданий перенес этот мальчуган. Синие полосы легли под глазами, а скулы выступали так, что кожа, обтягивающая их, казалось, вот-вот лопнет.

— Сколько лет тебе, мальчик?

— Восемь, — гордо ответил он и, взяв меня за руку, потянул вперед.

Я вспомнил о пайке, полученном в госпитале, достал кусок сахара, хлеб и передал своему юному спутнику. Он жадно все это схватил, поднес ко рту, но тут же, как бы опомнясь, положил в карман.

— Ешь, малыш, — сказал я ему, — ешь.

Он посмотрел на меня, вздохнул и сказал:

— Спасибо, дядя, потом. Дома мама. Ей нужно, — он еще раз тяжело вздохнул.

Обходя баррикады, мы вышли на Геслеровский проспект. Заваленный снегом трамвай стоял с поднятой дугой, на которой повис остаток провода.

— Когда вы разобьете фашистов? — спросил мальчик, глядя на мою солдатскую шинель.

Мне так хотелось вселить в него надежду, что я, почти не задумываясь, ответил:

— Скоро, очень скоро...

Мы свернули в одну из боковых улиц и остановились у двухэтажного дома, в крыше которого зиял громадный пролом.

— Мне сюда, — сказал мальчик.

Можно было лишь догадываться, что он показывал на парадный вход. Добрая половина его была закрыта толщей льда — замерзшими потоками воды из разрушенного водопровода.

Я взял салазки, кастрюлю с водой и поднялся вслед за мальчиком на второй этаж, осторожно ступая на обледеневшие ступеньки. Надо мной через пробитую рядом брешь светлело небо. Мальчик толкнул ногой дверь и исчез в квартире. Я пошел за ним. Сыростью пахло в лицо. Большая крыса, вильнув хвостом, скрылась в расщелине.

— Мапочка, нá скорее... ешь, мама, — услышал я умоляющий голос мальчика.

Войдя в комнату, я остановился. На кровати, прикрытая грудой тряпья, лежала женщина. Ее узкие худые руки белели из-под накинутого на грудь синего ватника. Широко раскрытые глаза были устремлены в одну точку. Спутанные волосы сливались с серым, изможденным лицом. Только по едва заметному вздрагиванию век можно было понять, что она живет. Я подошел поближе.

— Вы меня слышите? — обратился я к женщине.

Взгляд ее не изменился, руки не шевельнулись, только губы чуть задрожали и приоткрылись. Я невольно отшатнулся, увидев лиловые распухшие десны с утопающими в них зубами. Цинга разъедала голодный рот.

Мальчик теребил мать, не переставая всхлипывать: «Ма... мама...». Нервы были настолько напряжены, что я вздрогнул, увидев в дверях фигуру женщины. Чувствовалось, что посетительница несколько секунд безмолвно наблюдала за нами. Она протянула мне письмо. Обратный адрес — полевая почта. Я вскрыл конверт и прочел: «В случае моей смерти прошу направить по адресу...». Никогда не забуду этого короткого письма. Столько силы, жизни было в нем, что не хотелось верить, что оно пришло от человека, которого уже нет в живых. Мне запомнилась каждая строка, каждое слово письма. «Прощай, родная. Очень люблю тебя, очень люблю сына, люблю жизнь, и если я отдаю ее, то только потому, что будущее нашего сына должно быть счастливым, прекрасным. Я верю в это и спокойно гляжу в глаза смерти. Но знай: дешево я жизнь не отдам. Я хочу, чтобы у моей жены был достойный муж, а у сына — достойный отец».

Иван Кузьмич смолк. Тишина воцарилась в комнате. Ее нарушила Татьяна Николаевна:

— А потом? Что было потом?

— Письмо до адресата не дошло. Она скончалась в тот же день. Мальчика приютила соседка — та женщина, которая принесла письмо. Славная она была... А я на следующий день получил назначение в действующую армию.

Иван Кузьмич вновь стал перелистывать дело Андрея Морозова.

Повестка дня комсомольского собрания была не совсем обычной: персональное дело комсомольца Морозова. Еще с утра в цехе начались горячие споры по поводу предстоящего собрания. Спорили даже о том, правильно ли названа повестка дня.

Парторг завода Константин Константинович Сухов, войдя в цех, услышал оживленный разговор и остановился.

— Нет, не личное дело мы будем разбирать, — запальчиво говорила фрезеровщица Зина. — Это слишком узкая тема. На самом-то деле вопрос принципиальный. Если по-комсомольски рассуждать, так это дело всего коллектива, и мы должны видеть в нем не только проступок товарища, но и грубые промахи в работе нашей комсомольской организации.

«Обязательно надо побывать на собрании», — подумал Сухов и снова прислушался.

— Все, что ты говоришь, безусловно правильно, — соглашается Ростовцев. — Но не в этом суть, а в том, на какую позицию встанут сами комсомольцы, с какой точки зрения они будут оценивать поведение Морозова... А то, что оно является делом всей комсомольской организации, так это бесспорно...

И вот собрание началось. В красный уголок пришло более ста комсомольцев.

— Даже Константин Константинович пришел, — произнес кто-то.

Председателем был избран слесарь Владимир Котов. Открывая собрание, он предоставил слово Олегу Гудилну — председателю комиссии, занимавшейся предварительной проверкой. Он сказал, что комиссия работала десять дней и что в ходе проверки открывались все новые и новые детали. Он подробно их изложил.

— Если же обобщить все сказанное, — продолжал он, отпив глоток воды из стакана, — то можно сделать следующие выводы: во-первых, преступление, совершенное Морозовым, является результатом его странной дружбы со стилигой Беспаловым и, во-вторых, цеховая комсомольская организация вовремя не распознала Беспалова и, таким образом, не предотвратила преступление. Это главное. Других выводов мы делать не

спешили, решив предоставить все имеющиеся в нашем распоряжении материалы на обсуждение комсомольского собрания. Если что неясно, спрашивайте, ответу на вопросы.

— А почему Беспалова нет на собрании? Разве он не должен нести ответственность? — послышалось с места.

— Вопрос справедливый. Но все дело в том, что сегодня третий день, как Беспалов ушел с завода, подав заявление об увольнении. Кроме того, Беспалов не состоял на учете в нашей организации и, наконец — и это примечательно — Беспалов до сих пор не снялся с учета в техникуме, откуда он был исключен еще три года назад за прогулы. Он там и поныне пребывает «мертвой душой» в списках комсомольской организации. Так что, как сами видите, Беспалов фактически уже давно перестал быть комсомольцем. Я думаю, что мы должны будем поставить вопрос перед райкомом об исключении его из комсомола.

— Правильно! Верно! Давно пора! — подхватило собрание.

Первой в прениях выступила Рая Чуйкова. Она говорила быстро, как бы боясь, что ее вот-вот перебыют.

— Морозов... Это наш-то передовик, комсомолец? Да как он посмел стать попутчиком стиляги? Ведь что такое комсомол?

Рая перевела дыхание и скороговоркой продолжала:

— Комсомол — это организация, объединяющая людей одних мыслей, одних убеждений. Когда же комсомолец идет на поводу у стиляги — это отвратительно, мерзко...

Заканчивая свое выступление, она сказала:

— Я считаю, что Морозову не место в комсомоле. Он нас подвел. Пусть снова завоеует право называться комсомольцем.

Тишина воцарилась в красном уголке. «Неужели Андрей не может оставаться в комсомоле? — думала Валя. — Ведь все, что говорила Рая, — правильно. И все-таки она не сказала что-то очень простое, но очень важное...»

Вслед за Раей выступил токарь Виталий Набоков. Глубоко вздохнув, он начал:

— Я хочу о нас самих сказать. Здорово мы виноваты, ребята! Не разобрались мы в Ромке Беспалове и,

что еще хуже, не пытались это своевременно сделать. Не спорю, маскировал он свою «вторую жизнь», а что она собою представляла? Вечерами он шатался со своими приятелями по улицам, пугая прохожих дикими криками и развязными выходками, а стоило его родителям уехать, как он стал устраивать в своей квартире хмельные сборища. А его гнилая философия, к чему она сводится? «Бери от жизни, что можешь, и думай лишь о себе». Нужно сказать правду: некоторые наши товарищи тянулись к Беспалову. Кое-кто даже говорил: «Смотри, какой разбитной! Вот у кого поучится надо». А чему поучиться? Тому, что Беспалов был исключен за прогулы из техникума? Или тому, что он с тех пор сменил пять мест работы?

— А кто об этом знал? — крикнули с места.

— Вот о том и речь. Беспалова не признали, Морозова проглядели. Попался Андрей на удочку к Ромке и за решетку угодил. Нет оправданий его поступку, но и нам оправдываться нельзя: Я так думаю: тем, что мы выбросим Андрея из своего коллектива, мы с себя пятна не смоем.

— Да что там о Морозове рассуждать! Суд решит, что с ним делать! — послышалась реплика.

— Суд, конечно, решение примет, — ответил Виталий. — Но ведь суд-то народный. Значит, мнение нашего коллектива не будет для него безразличным.

Уже давно на собраниях комсомольской организации завода не было таких бурных прений. Почти каждому хотелось высказаться. Даже строгальщица Вера Петрова, всегда молчаливая и застенчивая девушка, подняла руку. Ей дали слово.

— Я только вот что хочу сказать. Андрея Морозова все знают. Правильно ли будет, если мы от него откажемся? Мы, мол, беленькие, чистенькие, мы вперед пойдем, а на тебя наплевать...

Вале вдруг показалось, что говорит не Вера, а она сама, настолько схожи были их мысли. «Молодец, Вера, — подумала она, слушая девушку, и неожиданно насторожилась: — Но так ли думают остальные?»

Валя осмотрелась. Она заметила Константина Константиновича. Сухов улыбался, в глазах его блестел веселый огонек. Валя почувствовала, что он одобряет мысль Петровой.

— Андрей совершил преступление, — продолжала Вера. — Но разве он несправим? Неправда, он исправится, а мы поможем ему в этом. Было бы хорошо, если бы нарушителей дисциплины как можно чаще судил товарищеский суд, суд чести и дружбы!

Зал наполнился гулом одобрительных возгласов.

«Вот они, новые люди, — думал Константин Константинович. Он вновь и вновь всматривался в лица комсомольцев. — Хороши ребята! Самостоятельны, зрелы! И нельзя сказать, что все у них идет как по маслу. Есть промахи, ошибки; чувствуется, что их внутренний мир формировался не только с песней и улыбкой, но и с глубокими размышлениями, сомнениями, колебаниями. Но главное в том, что они все вместе, сообща и каждый в отдельности стремятся преодолеть трудности, победить в себе дурные привычки, пережитки...»

Выступление следовало за выступлением.

— Это хорошо, пусть выскажутся, — произнес Сергей Болотов, поймав вопросительный взгляд Володи Котова — председателя собрания.

Внимательно слушая товарищей, комсорг инструментального цеха Виктор Шатров внезапно подумал: «А что если взять Андрея на поруки? Ведь мы тоже виноваты. Значит, надо исправлять ошибку. Надо просить суд передать Морозова на поруки...»

С каждой минутой уверенность росла и крепла. Одно оставалось неясным: как решить вопрос о комсомольской ответственности Андрея? Но это можно решить и после суда, взвесив все, все...

Виктор взял слово. Он говорил недолго, но убедительно. Комсомольцы дружно поддерживали его.

Резолюция была принята единогласно.

* * *

За час до начала судебного разбирательства в клубе завода было уже многолюдно. Рабочие собирались группами и оживленно беседовали.

В центре сцены стоит большой стол, покрытый зеленым сукном. Слева и справа от него два небольших столика: один для секретаря судебного заседания, другой — для защитника. В стороне установлена скамья для подсудимого. Перед сценой суетятся два человека с красными повязками на рукавах. Это дежурные.

— Товарищи, первый ряд занят. Это места для свидетелей. Располагайтесь дальше, — то и дело повторяют они.

С бьющимся сердцем входит в зал Валя. Ей хочется пройти вперед, сесть где-нибудь поближе к сцене, но ноги непослушны. Она не в силах идти туда и садится в последнем ряду. Подходит Виктор.

— Валюша, место рядом с тобой свободно? — спрашивает он.

— Да, садись.

Наконец выходит секретарь судебного заседания. Сразу же наступает тишина. Проверяется явка свидетелей. Короткое «здесь» слышится то тут, то там...

— Беспалов?

— Я, — прозвучало за спиной Вали, и она невольно обернулась. Ромка небрежно стоит у стены, заложив руку за руку.

— Видали, Наполеон, — произносит кто-то.

Легкий шум возникает в зале. В сопровождении двух милиционеров появляется Андрей. Его руки за спиной, стриженная голова опущена. Он подходит к скамье и садится, не поднимая взгляда от пола.

— Стыдно, небось. Совесть-то, наверное, еще не совсем потерял, — слышит Валя чей-то голос.

С минуту она сидит не шевелясь и не отводя глаз от Андрея. Где его выющиеся волосы, постоянно спадающие на лоб? Куда делся живой взгляд веселых глаз? Он похудел, осунулся, поник.

— Граждане, прошу встать! Суд идет! — слышится голос секретаря. Председательствующий и два народных заседателя подходят к столу. Народного судью Петра Степановича Платонова на заводе хорошо знают. Именно в этом зале он совсем недавно проводил очередную беседу.

— Прошу садиться, — произносит он.

Суд устанавливает личность подсудимого. Андрей встает и отвечает на вопросы. Его голос звучит глухо, неуверенно.

— Вы комсомолец?

— Да, — произносит Андрей, но тут же добавляет: — Был комсомольцем.

Совершив все необходимые подготовительные действия, Петр Степанович приступает к чтению

обвинительного заключения. Зал замирает. Перед присутствующими раскрывается картина преступления. Столовая, Мозоров и Беспалов пьянствуют. Им делает замечание работница столовой. В ответ Андрей сквернословит. Он толкает женщину, затем пытается подняться со стула, но падает, увлекая за собой стол. Бьется посуды. Посетители в испуге покидают столовую. Андрей достает из кармана пустую бутылку и ударяет ею об пол. Звон разбитого стекла... В столовую входят работники милиции...

— На основании изложенного Морозов Андрей Васильевич обвиняется в совершении хулиганских действий...

Огласив обвинительное заключение, Платонов, обращаясь к Андрею, спрашивает:

— Понятно, в чем вы обвиняетесь?

— Понятно, — еле слышно отвечает Андрей.

— Признаете ли вы себя виновным?

— Признаю.

— Дайте объяснение по существу предъявленного вам обвинения.

Показания Андрея весьма кратки. Он помнит только, что после работы вместе с Беспаловым они зашли в столовую, предварительно купив две бутылки водки. В столовой начали пьянствовать. На вопрос председательствующего, что было дальше, Андрей пожимает плечами.

— Вы часто выпиваете? — спрашивает у него Иван Кузьмич.

— Нет.

— Так чем же объяснить, что именно в этот день вы выпили так много?

— У нас была получка.

— Что же, у вас традиция пить в день получки?

— Нет.

Защитник просит у председательствующего разрешения задать вопрос подсудимому. Платонов кивает.

— Чья это была инициатива — пойти в столовую и выпить?

Андрей молчит.

— Ваша или Беспалова?

— Я точно не помню, кажется моя, — говорит Андрей и опускает глаза.

«Я не имею права бросать тень на Ромку, — думает он, — виноват я один. Не хотел бы — не пошел, а нахулиганил — имей мужество, держи ответ...»

Суд перешел к допросу свидетелей. Один за другим дают показания очевидцы преступления: работники столовой, посетители. Вот допрашивается Красников, бухгалтер артели «Химик».

— Я обедал в столовой, — говорит он, — когда вошел подсудимый со своим приятелем. Они сели за соседний столик. Я видел, как они достали из карманов две бутылки водки и потихоньку стали распивать...

— Почему же вы их не остановили? — спрашивает председательствующий.

— Видите ли, я вообще не хотел ввязываться в эту грязную историю, и если бы не милиционер, записавший меня свидетелем, то не стоял бы я сегодня перед вами.

— Вы что же, нейтральный человек? Вы считаете, что все это вас не касается? — спрашивает Иван Кузьмич.

— Нет, вы не так меня поняли, мне просто неприятно было иметь дело с пьяными людьми...

— В этом и заключается непростительная ошибка, которую допустили вы и которую допускают подобные вам, проходя мимо нарушителей общественного порядка, — сурово прерывает свидетеля Петр Степанович. — Нейтральные люди чужды нашему обществу. Если бы все граждане включились в активную борьбу с пьяницами и хулиганами, то не было бы им места среди нас и в этих случаях не требовалось бы вмешательство милиции, прокуратуры и суда. Не сидел бы на скамье подсудимых Морозов, если бы посетители столовой, в том числе и вы, вовремя остановили его.

Вызвали Беспалова. Он входит в дверь осторожно, пугливо:

— Вот кого нужно на скамью подсудимых, — слышится в зале.

Ромка боязливо проходит к сцене. Он ощущает на себе угрюмые взгляды рабочих.

«Передернуть надо, во что бы то ни стало обелиться», — думает он.

— Свидетель, вы знаете подсудимого? — спрашивает Платонов.

— Да, немножко.

— Какие у вас взаимоотношения?

— Такие же, как и со всеми.

— Но почему именно Морозов стал вашим собутыльником?

— Вопрос деликатный. Мне бы не хотелось на него отвечать, но уж коли я обязан, так скажу правду. Получал я зарплату вместе с Морозовым. Он мне и говорит: «Пришел на завод, так должен наши привычки усваивать. Айда, клюкнем». Я у него спрашиваю: «Что значит «клюкнем»?» — «А я, — говорит, — тебе на практике покажу, что это такое». Ну и пошел я с ним, с этим элементом, — Ромка кивнул на Андрея.

Тот стиснул зубы: «Как нагло лжет, подлец!»

— Верно ли то, что говорит свидетель? — обращается к Андрею председательствующий.

Андрей колеблется. Впервые он решается посмотреть в зал. Он чувствует на себе десятки глаз.

— Нет, — твердо произносит он.

— Морозов не мог так поступить, мы его знаем! — выкрикнули в зале.

— Прошу соблюдать абсолютную тишину, — сказал Петр Степанович и вновь обратился к Андрею: — Но вы же сами признали, что посещение столовой имело место по вашей инициативе?

Андрей молчит. «Запутался, — стучит мысль, — совсем запутался. Разве поверят теперь? А Ромка? Зачем он лжет?»

Вспоминается первая встреча с Ромкой. Как долго говорили они об искусстве, литературе, поэзии... Олдингтон, Анри де Ренье... Ромка с видом знатока говорил об их творчестве. «А я даже не слышал о них, — думал тогда Андрей. — Эх, если бы мне знать столько, сколько знает он!.. Но были у него и другие склонности, — вспоминает Андрей. — Желание кутнуть в кругу, как он говорил, ремарковских товарищей... Неужели ошибся в нем? Да, запутался, совсем запутался...»

Раздумья Андрея прервал вопрос председательствующего:

— Подсудимый, имеются ли у вас какие-либо дополнения или ходатайства?

— Нет.

— Тогда судебное следствие объявляю законченным. Слово предоставляется адвокату Брамбергу.

Защитник Андрея, сухошавый пожилой человек в пенсне, медленно поднимается с места и, окинув внимательным взглядом зал, начинает свою речь. Он не оспаривает обоснованность обвинения, предъявленного его подзащитному. Он считает только, что личность подсудимого требует снисхождения.

— С малых лет, товарищи судьи, Морозов воспитывался без родителей. Их жизни унесла война, жестокая, варварская война, навязанная нам фашизмом. Родителей Морозову заменил коллектив, и я позволю себе утверждать, что мой подзащитный до совершения преступления был достойным членом своего коллектива. Об этом свидетельствуют имеющиеся в деле характеристики, а также просьба коллектива передать Морозова на поруки. Морозову верят комсомольцы. Прошу вас, товарищи судьи, учесть все это и назначить моему подзащитному меру наказания, не связанную с лишением свободы.

Адвокат сел.

— Последнее слово предоставляется подсудимому Морозову.

Несколько тяжелых секунд прошло в молчаливом ожидании. Наконец, Андрей заговорил:

— Я очень виноват. Я совершил тяжкое преступление. Не знаю, какое наказание меня ждет. Но самым страшным наказанием был для меня этот суд, когда я сидел на скамье подсудимых перед лицом своих друзей и товарищей. Что бы меня ни ждало в будущем, я даю слово сделать все, чтобы вновь обрести доверие коллектива. Я знаю, трудно получить прощение, нужно его заслужить. Если можно, граждане судьи, не лишайте меня свободы.

— Вы все сказали? — спросил Платонов.

— Все.

— Суд удаляется для вынесения приговора.

* * *

Совещательная комната... В ней решается сейчас судьба Андрея Морозова. Там уже нет председательствующего и двух народных заседателей — там судьи с одинаковыми правами и одинаковой ответственностью за будущее человека. Совещательная комната... Там

взвешивается каждое обстоятельство, пытливо, внимательно и осторожно оцениваются показания очевидцев, подсудимого, выясняется степень его вины и причины, приведшие его к преступлению.

К ней, к этой маленькой комнате у сцены, приковано сейчас внимание рабочих завода, внимание Сергея, Виктора, Вали — всех, кому дорога честь коллектива, кто несет моральную ответственность за недостойное поведение своего товарища. Совещательная комната... Там в эти полные ожидания минуты выносятся приговор Андрею Морозову. Какое наказание ждет его? Об этом с трепетом думают сейчас люди.

Но совещательная комната пока хранит свою тайну.

* * *

Приговор выслушивают стоя. Он звучит сухо, жестко и неумолимо. Каждая фраза гулко пронизывает напряженную, насыщенную вниманием тишину. Снова перед глазами присутствующих проходит картина преступления. У некоторых она порождает сомнения: «А правильно ли мы делаем, что просим передать на поруки человека, совершившего такое?»

Иван Кузьмич видит волнение на лицах людей. Их думы ему понятны. Он сам вырос в рабочем коллективе, познал высокое чувство солидарности, ответственности за судьбу товарища. Невидимые нити соединяют его с людьми, волнение, словно электрический ток, передается ему.

«Что будет? Что будет? — с тревогой думает Виктор. — Согласятся ли с нашей просьбой, освободят ли Андрея?»

Председательствующий делает паузу и с расстановкой продолжает:

— Обвинение Морозова в совершении хулиганских действий нашло подтверждение в показаниях допрошенных в суде свидетелей, а также в объяснениях самого подсудимого. Суд, считая виновность Морозова доказанной, а квалификацию его действий правильной... приговорил: Морозова Андрея Васильевича... подвергнуть лишению свободы сроком на один год...

Суровое молчание внезапно прерывается. Глубокие вздохи и протяжное «уу-у» слышатся в зале,

— Однако, — читает Платонов, — учитывая, что Морозов ранее судим не был, положительно характеризуется по работе, искренне раскаялся в совершенном преступлении, и принимая во внимание просьбу комсомольской организации завода передать Морозова на поруки, суд полагает возможным назначенное ему наказание считать условным...

Губы Вали шевелятся, дрожат. Она проводит ладонью по лицу, как бы пытаясь снять с него пелену. Только теперь она понимает, что произошло. Из ее глаз выкатываются две слезинки, и Валя, смахнув их, бежит к выходу.

— Суд возлагает на комсомольскую организацию завода, — продолжает Платонов, — обязанность по перевоспитанию и исправлению Морозова...

Андрей вдруг чувствует, что он окружен плотным кольцом людей. Он не видит их лиц, глаза застилает туман.

— Подождите, ребята, пусть в себя придет. Дайте ему возможность наедине с собой остаться, — как бы издалека слышит он голос Виктора.

Андрей вышел на улицу, прошел немного и остановился. У него было такое состояние, будто он поднялся на высокую, высокую гору. Кружилась голова, чувствовалась усталость.

«Все ли я понял? — спрашивал он себя. — Твердо ли я встал на тот путь, по которому нужно идти, по которому идут все?». Возникло страстное желание немедленно пойти на завод, к станку и работать, работать. Оно было таким сильным, что Андрей не выдержал и быстро зашагал обратно к заводу.

Вскоре он увидел россыпь заводских огней. Как зачарованный, смотрел Андрей на игру сверкающих точек. Он закрыл глаза. Какая-то часть его жизни, пусть даже небольшая, прожита бесплодно, впустую. И именно поэтому нужно удвоить энергию, наверстать упущенное.

Андрей открыл глаза. Ярче прежнего засверкали огни. Казалось, что они излучают тепло. Тепло шло от завода, от товарищей, проникало внутрь и согревало. Он понимал, что обязан сторицей отплатить тем, кто вернул ему радость трудовых будней.

Долго стоял он так и думал, думал о Вале, о Сергее, Викторе, Олеге... Одно смущало: как они примут его, не

отвернутся ли? Вспомнились слова народного судьи: «Вы должны оправдать доверие коллектива».

«Оправдать доверие коллектива...». Андрей весь проникся этой мыслью. Жизнь приобрела для него совершенно новое, особое значение.

* * *

«Да, около двух лет прошло с того дня, когда слушалось дело Андрея Морозова», — вспоминает Иван Кузьмич. Он вновь посмотрел на застывшую у стены фигуру Романа Беспалова...

— Их совсем немного, этих трусливых поборников зла, — слышит Иван Кузьмич голос общественного обвинителя, — и с каждым днем их будет все меньше, потому что на борьбу с ними поднимаются все. А если все люди разом вздохнут, получится ветер. Он начисто сметет все то, что мешает нам жить, творить, идти вперед — к коммунизму...

— Вам не показался знакомым парень, который сидел у стены справа? — обратился Платонов к Ивану Кузьмичу, когда процесс закончился.

— Да. Это Беспалов.

— Наверное неспроста такие люди не забываются. Их нельзя забывать. Их надо постоянно держать на виду. Они очень опасны. Кто знает, не попадется ли на их удочку очередная жертва?

— Я тоже так думаю, — сказал Иван Кузьмич.

Петр Степанович задумался, а затем, как бы размышляя вслух, произнес:

— Такие люди опасны потому, что смысл своего гнусного существования они прикрывают фразерством, никчемной героикой, ложной романтикой.

— Вы правы, — подтвердил Иван Кузьмич. — Но беда в том, что находятся люди, которые попадают в сети этих фраз...

— А надо бороться! — горячо подхватил Петр Степанович. — Прекратить или ослабить борьбу — означает подвергнуть опасности некоторых неустойчивых представителей молодого поколения. Они могут поддаться этому гипнозу. Борьба за человека — вот первоочередная задача, которую ставит партия перед нами, работниками суда. Следует в тесной связи с общественностью

сосредоточить свои усилия не только на пресечении нарушений законности, на выявлении воров, жуликов и хулиганов, на мерах наказания, но и на предупреждении преступлений, на воспитании людей... Вот что значит привычка, — вдруг рассмеялся Петр Степанович. — Разговорился, словно лекцию читаю. А к чему я все это говорю? Очень уж хочется, чтобы наша связь с общественностью в деле перевоспитания лиц, совершивших преступления, была как можно более эффективна, как можно скорее дала бы ощутимые результаты...

— А они есть! — живо перебил Иван Кузьмич. — Есть результаты.

Он улыбнулся, молча достал из кармана аккуратно сложенный листок газеты и передал его Платонову. Тот развернул газету, и, не успев прочитать заголовков, все понял. Со страницы заводской многотиражки на него глядел веселый, вихрастый юноша с широкой улыбкой жизнерадостного человека. Под портретом крупная надпись: «Бригаде Андрея Морозова присвоено высокое звание бригады коммунистического труда».

— Спасибо, — сказал Платонов и, протянув руку Ивану Кузьмичу, добавил: — Странно, но ни о чем не хочется говорить, когда это приходит.

Петр Степанович сделал ударение на слове «это». Они помолчали. Каждый думал о своем.

— До чего же здорово! — произнес, наконец, Платонов, как бы подводя итог своим мыслям.

Он вызвал секретаря. В дверях появилась краснощекая девушка.

— Будьте добры, принесите дело Морозова. Оно на контроле.

Девушка вышла и вскоре вернулась с синей папкой в руках. Петр Степанович сел за стол и открыл последнюю страницу. Определение суда. Одно из самых коротких. Пишущая машинка запечатлела всего несколько фраз, составленных сухим языком судебного решения.

«...Осуществление контроля за исправлением условно осужденного возлагается на народного заседателя тов. Смирнова Ивана Кузьмича», — прочел Платонов и уверенным размашистым почерком написал: «В архив», а снизу добавил: «Испытательный срок выдержал».

Он захлопнул папку и повернулся к Смирнову:

— Бригада коммунистического труда! Замечательно! Иван Кузьмич, очень прошу вас, расскажите об этом подробнее.

— Вы знаете, трудно все это пересказать, трудно потому, что на первый взгляд ничего выдающегося не было. Пожалуй, все началось с того комсомольского собрания, которое состоялось вскоре после суда. Я был на этом собрании. Андрею объявили строгий выговор, а потом о другом спорить начали. Много говорили об отношении комсомольцев к труду, о чувстве товарищества, о настоящей дружбе. Споры были горячими и долгими. С тех пор комсомольцы стали серьезнее относиться к работе, меньше отвлекались по пустякам, меньше болтали. Андрей работал как одержимый. Я к ним частенько заглядывал. Сначала холодно встречали, а потом все теплее и теплее. Постепенно стал я встречаться со своими молодыми друзьями с каким-то праздничным настроением.

Прошел год. В ноябре Андрея бригадиром назначили. Выговор, конечно, сняли. Хорошая бригада получилась. Как-то собрались ребята и порешили: всем учиться. Так начали члены бригады жить по-новому. Просто они почувствовали такую потребность. И это не случайно. Невиданный трудовой подъем в стране, блестящий штурм космоса заставили каждого из них задуматься о себе, взяться за учебники и работать, работать засучив рукава. Если же у кого что-либо не клеилось, другие помогали, подтягивали. Помощь была настоящая, бескорыстная. Ребята чувствовали в себе силы, уверенность, старались работать творчески, придумывали различные приспособления...

Помните, заболел я в прошлом году. Проклятая рана открылась, покоя не давала. Ну, думаю, баста, долго теперь ребят не увижу. А, оказывается, ошибся. Дня три-четыре прошло, и ребята ко мне сами являются. Соскучились, говорят, решили проверить, не случилось ли что. Месяц я в кровати провалялся, и они почти ежедневно меня навещали. Только об одном жалею: не довелось мне из-за болезни на свадьбе Андрея и Вали побывать. А свадьба, говорят, чудесная была, веселая, красивая, поэтичная. Завод им квартиру предоставил в новом доме.

И вот настал день, когда молодежь депо Москва-Сортировочная выступила с почином в честь XXI съезда КПСС: жить и работать по-коммунистически! Ух, и разволновалась тогда бригада! Принялись сообща писать свои обязательства.

— Впереди еще много трудностей, — говорил мне тогда Андрей. — Выдержим ли? — спрашивал он меня, но отвечал сам: — Безусловно выдержим! Ребята у нас замечательные!

Вот и все. Остальное вы уже знаете.

* * *

Смирнов вышел на улицу. Осеннее солнце скупое дарило людям свое последнее тепло. По утрамбованной аллее бульвара пробежали два мальчика. Они остановились у места, где кормят голубей, и, достав по кульку, стали рассыпать крупу. Птицы охотно клевали, суетились, ворковали, шумно хлопали крыльями.

Иван Кузьмич долго смотрел на одного из мальчуганов. Безмятежное детство сквозило в каждом его движении. Лихо натянутый на затылок картуз со вскинутым козырьком подчеркивал умильное выражение мальчишеского лица. Вздернутый маленький нос постоянно шмыгал, весело искрились озорные глаза. Ивану Кузьмичу все нравилось в этом бойком мальчишке, игравшем с голубями. Наблюдая за ним, он почувствовал прилив грусти. Постепенно она сменилась тупой болью: вспомнил жену и сына. Война оборвала их жизни. А сын был тогда совсем маленьким, ему даже не довелось поиграть с голубями...

Протяжный гудок повис над городом. Кончилась смена на заводе. Завершила свой первый трудовой день бригада коммунистического труда, руководимая Андреем. А ведь только вчера она была обычной. Но дело, конечно, не в названии. Люди бригады — вот что главное. Иван Кузьмич сел на скамейку, достал листок многотиражки и еще раз взгляделся в лицо Андрея. Очень захотелось увидеть его, обнять, поздравить. «Но ведь в его новой квартире я ни разу не был», — промелькнула мысль. Он достал записную книжку, пробежал глазами по алфавиту, нашел букву «М». Адрес Андрея был записан.

— Иван Кузьмич! Как хорошо, что вы пришли! — Валя не скрывала радости. Она обняла его, поцеловала и сделала это так, будто перед ней стоял родной, долгожданный человек.

— Поздравляю, Валюша! — взволнованно произнес Иван Кузьмич. — От души поздравляю!

— Ну, что же мы стоим, проходите скорее!

Валя взяла его за руку и потянула в комнату. Оттуда слышалась музыка. Иван Кузьмич вошел, поставил на стол небольшую коробку и раскрыл ее. Модель первого искусственного спутника Земли! Несколько раз щелкнул заводной ключ, и знакомый звук «пи-пи-пи» отрывисто застучал на фоне мощных аккордов, доносившихся из радиоприемника. Передавали концерт Чайковского для фортепьяно с оркестром. Валя закрыла глаза. Казалось, музыка лилась из космоса.

— Спасибо, — сказала она, подходя к нему.

— Ну, что ты, Валя. За что?

— За все, за все! За Андрея, за всех нас спасибо. За то, что вы помогли нам увидеть то хорошее, прекрасное, к чему надо стремиться... Вы знаете, Иван Кузьмич, может быть, не совсем это так, может быть, это даже эгоистично, но мне кажется, что я самая счастливая из людей.

— За это ты должна благодарить не меня, а своих товарищей. У вас очень хороший коллектив. И если ты счастлива, то потому, что не искала какой-то особенной, личной тропки к счастью, а всегда была с друзьями.

— Вы правы, Иван Кузьмич, тысячу раз правы, и все-таки вы помогли нам найти путь к счастью...

— До чего ж трудно разговаривать со счастливым человеком, — пошутил Иван Кузьмич, перебивая Валу. — А где же Андрей? Куда ты его упрятала?

— Сейчас придет. В цехе задержался. К ним в бригаду новичка прислали, так он его в курс дела вводит. А вы садитесь, — спохватилась Валя. — Вот сюда. Как Андрей обрадуется, когда вас увидит!.. Иван Кузьмич, вы меня извините, но я вас оставлю на несколько минут. Пойду чай поставлю. Андрей придет — чайку попьем. Не возражаете?

— Ну, конечно, Валюша. Иди, а я посижу.

— А чтоб вам не скучно было, посмотрите альбом с фотографиями. Это наша семейная реликвия. Вот, пожалуйста.

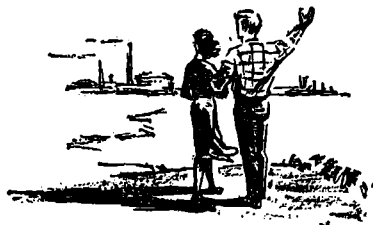
Валя вышла. Иван Кузьмич осмотрел комнату. Круглый стол, тахта, стулья, этажерка с книгами, шкаф, радиоприемник — вот и все. Но было светло и уютно. «А это главное», — подумал Иван Кузьмич и открыл альбом.

На пол упала фотография. Он поднял ее и улыбнулся. Фотография ему знакома. Зима. Вся бригада на лыжной вылазке. И он с ними. Вот Виктор, Зина, Олег, Андрей, Валя, а вот и он сам, подтягивает непослушные крепления, которые в тот день постоянно спадали с ног.

Иван Кузьмич перевернул страницу и увидел портрет. Мужчина в гимнастерке. Глаза Андрея. Его отец! Под фотографию вложен серый выцветший конверт. Адрес — Ленинград. Обратный адрес — полевая почта. Дрогнула рука. Чаше забилося сердце. Андрей!.. Так это его восьмилетним мальчиком он встретил тогда в Ленинграде!.. Короткое, очень короткое письмо. Он знает его наизусть: «Прощай, родная. Очень люблю тебя, очень люблю сына, люблю жизнь, и если я отдаю ее, то только потому, что будущее нашего сына должно быть счастливым, прекрасным. Я верю в это и спокойно гляжу в глаза смерти. Но знай: дешево я жизнь не отдам. Я хочу, чтобы у моей жены был достойный муж, а у сына — достойный отец».

Шаг за шагом Иван Кузьмич проследил путь, по которому шел в 1942 году с восьмилетним Андреем. Каждую подробность он видел с той отчетливостью, которую может сохранить только сердце. Память? Нет, она не в состоянии запечатлеть такое.

Иван Кузьмич подошел к окну и отодвинул занавески. Над крышами города то здесь, то там возвышались башенные краны. По улице крупными шагами, поступью счастливого человека шел домой Андрей.

Рубежов Генрих Семенович

„ЧЕЛОВЕК СПОТКНУЛСЯ“

Редактор В. М. Чикул

Художник-оформитель Е. М. Михельсон
Художественный редактор Ю. В. Алексеев
Технический редактор Н. Л. Щедрина
Корректор М. И. Буланова

Сдано в набор 1/VII 1961 г.

Подписано в печать 3/III 1961

Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Объем физ. печ. л. 1,25;

условн. печ. л. 2,05; учетно.-изд. л. 1,97.

Тираж 50 000 экз. А-00867. Цена 5 коп.

Заказ № 1593

Госизриздат — Москва, ул. Чкалова, 38 — 40

Типография № 2 им. Евг. Соколовой

УПП Ленсовнархоза.

Ленинград, Измайловский пр., 29.

Отпечатано в типографии № 11

УПП Ленсовнархоза г. Пушкин Зак. 211-а